

RU

Концепция души в поэзии символизма

(К. Д. Бальмонт, Ф. К. Сологуб, А. И. Токаев и Д. А. Гатуев)

Хетагурова Д. К.

Аннотация. Цель работы - определить особенности трактовки образа души в поэтической картине мира К. Д. Бальмонта, Ф. К. Сологуба, А. И. Токаева, Д. А. Гатуева. Научная новизна заключается в исследовании русской и осетинской лирики символизма, в анализе параметров влияния первой на вторую. В результате работы выявлены особенности репрезентации концепта «душа» как некой уникальной субстанции, наделенной личностными характеристиками, обладающей чувствами, способной страдать и переживать, но при этом имеющей возможность как Сверхчеловек создавать автономную реальность, жить на границе обыденного и трансцендентного.

EN

Concept of Soul in Poetry of Symbolism

(K. D. Balmont, F. K. Sologub, A. I. Tokaev, D. A. Gatuev)

Khetagurova D. K.

Abstract. The aim of the research is to define the specific characteristics of interpretation of the soul image in K. D. Balmont's, F. K. Sologub's, A. I. Tokaev's, D. A. Gatuev's poetic picture of the world. The scientific originality of the research consists in exploring Russian and Ossetian lyric poetry of symbolism, analyzing the parameters of influence of the former on the latter. As a result, the study has revealed the peculiarities of representing the concept "soul" as unique substance, which possesses personal characteristics, feelings, which is capable of suffering and worrying, but at the same time, as the Superhuman, has the ability to create an autonomous reality, to live on the border of ordinary and transcendent.

Введение

Символизм, как первое течение модернизма рубежа XIX-XX вв., сконцентрировал в себе актуальную проблематику времени: кризис рационализма и реализма, новые пути развития искусства, проблему веры и существования человека в эпоху НТР. Главным центром творческих поисков стали такие формирующие субъекта стороны, как психика и подсознание. Можно сказать, что литература этого периода ушла глубоко внутрь авторского «я», придав новое смысловое наполнение концепту «душа».

Актуальность научной работы состоит, во-первых, в исследовании путей конвергенции русской и осетинской литератур начала XX века, еще недостаточно изученных в аспекте символического дискурса; во-вторых, в репрезентации образа души в лирике символизма, что позволяет в свою очередь глубже понять тенденции развития современной личности XXI века. Задачи ставятся следующие:

- определение путей функционирования образа души в индивидуальной идеосфере авторов;
- выявление общих тенденций коннотации лексемы «душа» в текстах К. Д. Бальмонта, Ф. К. Сологуба, А. И. Токаева и Д. А. Гатуева;
- обозначение особенностей понятия «душа» в поэтике символизма.

Для решения поставленных задач использовались следующие методы исследования: сравнительно-исторический, сравнительно-типологический, метод целостного анализа художественных произведений.

Теоретической базой явились работы, посвященные изучению концепта «душа» в философии и религии (Платон, 1990; Платон, 1994; Соловьев, 1989; Бердяев, 1994), в мифологии и фольклоре (Афанасьев, 1983), в лингвистике (Урысон, 1999; Маковский, 1996); труды по эстетике русского символизма (Колобаева, 2017; Полонский, 2020); статьи по истории осетинской литературы рубежа XIX-XX вв. (Джикаев, 1993; Цховребов, 2008; Хугаев, 2018; Бязарти, 1984); словарные и энциклопедические материалы (Ефремова, 2006; Мифы народов мира, 1997).

Практическая значимость результатов исследования заключается в возможности использования их в преподавании курсов по истории осетинской литературы на филологических факультетах РСО-А.

Основная часть

В Современном толковом словаре Т. Ф. Ефремовой (2006) дается несколько определений понятия «душа»: это «энергетическая информационная субстанция, противопоставляемая телу и существующая вечно... Духовное, бессмертное – по религиозным представлениям – начало в человеке, составляющее сущность его жизни и связывающее его с Богом. <...> Внутренний мир человека, его самосознание; психические переживания как основа жизни человека» (с. 648). Именно в этих трех смысловых значениях разворачивается интерпретация души в мировой литературе от ее истоков и до наших дней. По словам Платона (1990), основоположника учений о душе в греческой философии: «...человек – это душа» (с. 259). Без души нет жизни, она искра «небесного огня, которая и сообщает очам блеск, крови – жар и всему телу – внутреннюю теплоту», – как утверждает русский ученый-фольклорист А. Н. Афанасьев (1983, с. 353). Толкование души как бессмертной божественной частицы сложилось под влиянием христианского вероучения, но оно также «является плодом длительной и сложной дистилляции гораздо более смутных и элементарных мифологических представлений» (Мифы народов мира, 1997, с. 414).

Внимание к душе – квинтэссенции человеческой природы – актуализировалось в последней четверти XIX века, в период надлома и страха перед будущим, по словам русского философа Н. А. Бердяева (1994): «...мы живем в переходную эпоху духовных кризисов... Души конца XIX и начала XX века – трагические души» (с. 15), прошедшие мучительный путь сомнений и религиозных, эстетических, философских поисков.

Предметом данного исследования станут стихотворения К. Д. Бальмонта (1867-1942), Ф. К. Сологуба (1863-1927) и осетинских поэтов А. И. Токаева (1893-1920), Д. А. Гатуева (1892-1938), в текстах которых раскрывается место концепта «душа» в миромоделировании символизма.

К концу XIX века «личность снова оказалась в центре мироздания» (Авраменко, 2020, с. 7), повысился интерес к внутренней сфере индивида, его подсознанию и душе, что ярко демонстрирует поэзия К. Д. Бальмонта, где душа – каузатор творческих мук, «субъект духовных сил» (Соловьев, 1989, с. 23), сложный метафорический образ и репрезентант различных стихий:

«Моя душа – глухой всебожний храм,
Там дышат тени, смутно нарастая...» (Бальмонт, 2010а, с. 447).

«Моя душа – воздушность фимиама» (с. 449).

«Моя душа – оазис голубой,
Средь бледных душ других людей, бессильных» (с. 256).

Являясь эфемерной сущностью, душа впитывает в себя все религии мира и олицетворяет второе «я» поэта, которому присуща «бесконечная смена впечатлений... смена богов, которым он поклоняется» (Колобаева, 2017, с. 81). Облекаясь в метафизический эфир, тень, дым, что-то неуловимое, как и сам лирический герой, – «для всех и ничей» – душа его остро чувствует одиночество:

«Бессменно-одинокая,
Душа грустит всегда,
Душа душе далекая,
Как для звезды звезда» (Бальмонт, 2010а, с. 134).

«Моя душа стремится в мир иной,
Пленяясь всем далеким, всем безбрежным» (с. 26).

Мотив отчужденности душ, популярный в поэзии символизма, подтверждается и словами Ф. Ницше (1990), чья философия оказала огромное влияние на литературу и искусство рубежа XIX-XX веков: «...у каждой души особый мир; для каждой души всякая другая душа – потусторонний мир» (с. 158). Для Бальмонта (2010а) понятие разобщенности душ связано с противостоянием слабого людского сообщества и лирического героя, которому только и может открыться запредельное: «Моя душа, для всех чужая, / Непостижимостью живет» (с. 330).

Субъект лирики Бальмонта (2010b) репрезентирует и культивирует свободную волю как главную ценность собственной души, она находится вне нравственных ориентиров, четких градаций добра-зла, вне общепризнанных норм и правил:

«Моя душа озарена
И Солнцем, и Луной,
Но днем в ней дышит тишина.
А ночью рдеет зной» (с. 40).

«О, да, молитвенна душа,
И я молюсь всему.
Картина Мира хороша,

Люблю я свет и тьму.
 Все, что приходит, то прошло,
 В воспоминании светло
 Живут добро и зло» (с. 61).

Эгоцентричное мировосприятие, противопоставление «я/другие» – характерные черты эстетики старших символистов – формируют и метафорическую структуру концепта «душа» в творчестве Бальмонта (2010а): «Только одну я люблю беспредельность, / Душу мою!» (с. 247). Принимая свою обособленность, душа поэта-творца страдает и отчаянно требует свершений и преобразований:

«Моя душа для жажды создана» (с. 454).

«Душа – как пламя, опыт – лишь мерцанье...» (2010с, с. 64).

«Горела в темноте моя душа живая,
 И людям я светил, костры им зажигаю...» (2010b, с. 184).

«К Солнцу идите, коль Солнца воистину хочет душа» (с. 191).

В стремлении к слиянию со светилом сконцентрировались популярные солярные мотивы поэзии символизма и традиционное отождествление души с огнем. В «Сравнительном словаре мифологической символики в индоевропейских языках» М. М. Маковского (1996) говорится о том, что в мире существуют стихии, «совершенно лишённые вещественности, – время, пространство, душа, разум», которые «соотносятся с первоэлементами бытия – земля соответствует времени, огонь – душе, воздух – разуму» (с. 100). Эта мысль подтверждается у Бальмонта (2010а) в воплощении души как солнцеподобной субстанции, путеводной звезды для людей, хотя их спасение и не является первозадачей для лирического героя: «Но согрею ль я другого, или я его убью, / Неизменной сохраню я душу вольную мою» (с. 360). Тем самым душа Бальмонта – «бессмертно-одинокий» гений, генератор его мечтаний, «роскошный сон», суть свободы земной и запредельной.

В поэзии Ф. К. Сологуба (2003) воплотились мотивы разочарования, душевных метаний сродни болящему нерву человеческого организма. Лирический герой Сологуба обречен на несчастья уже изначально, самим фактом своего рождения: «И вынес я опять на сушу, / В больное, злое бытие, / Мою отверженную душу / И тело грешное мое» (с. 331).

Жизнь мыслится Сологубом темницей испытаний для небесной души, некогда свободной, теперь же заключенной в тело с его болезнями, желаниями и искушениями. Душа не может не чувствовать мучений, ведь она настолько сживается с телом, что утверждение британского классика XVIII века Л. Стерна (1968) кажется не художественной метафорой, а правдой бытия: «...тело человека и его душа, я это говорю с величайшим к ним уважением, в точности похожи на камзол и подкладку камзола; – изомните камзол, – вы изомнете его подкладку» (с. 152). Так и лирический герой Сологуба (2003) осознает болезненное слияние души-тела и разлад между ними, безответно вопрошает Бога, за что его душа:

«Сотворенная вне мира
 Обитала в небесах...
 Беззаботно веселясь, –
 Для чего ж ее отбросил
 Легким взмахом дивных весел
 Ангел Твой в земную грязь?» (с. 441).

Не находя ответа, душа лишается легкости, и ее бессмертие становится проклятием. Как справедливо отмечал А. Измайлов (2002), ведущий литературный критик начала XX века, в творчестве Сологуба заключена «усталая современная душа, постигшая нежную, умиляющую красоту природы и понявшая весь ужас, всю серость и безысходность бытия» (с. 419), она, как губка, впитывает всю горечь, несправедливость и невозможность изменения сути земного пребывания, отчего становится глубоко восприимчивой:

«Но сладкого, безумного огня
 Душа моя полна» (Сологуб, 2003, с. 223).

«В томительной тревоге
 Горит моя душа» (с. 235).

«Внезапным вспыхнет вдохновеньем
 Душа усталая моя» (с. 238).

«Изнуренная жизнью душа» (с. 408).

Свойства божественной души в поэзии Сологуба тождественны телесным, зачастую она также смертна и может ощущаться гробницей из-за невозможности воплотить свой полет и свободу:

«Людская душа – могила,
 Где сотворивший мирно спит» (Сологуб, 2004, с. 142).

«Я душой умирающей
Жизни рад и не рад...» (2003, с. 81).

Лирическим героем потеряна связь с небом, он забыт и брошен, в его душе нет связи с Создателем, она словно в чистилище: не может быть всецело брэнной, но и не допускается в священную высь. От невозможности соединить несоединимое поэт ощущает, что «акрополь его души пуст» (Платон, 1994, с. 347):

«Кто-то вынул сон прекрасный
Из души моей больной,
И томит меня безгласной,
Бездыханной тишиной» (Сологуб, 2003, с. 447).

«В теле – истома, в душе – пустота,
Воля почил, и дремлет мечта» (с. 60).

Чувство безысходности, присущее мироощущению Сологуба, можно объяснить не только с позиции творческих установок, но и жизненными реалиями. В отличие от многих «крупных отечественных символистов, он был выходцем не из дворянской, respectable профессорской либо торгово-буржуазной среды – как Мережковский, Блок, Андрей Белый или Брюсов, – а из социальных низов» (Полонский, 2020, с. 109). Его отец имел профессию портного, а мать служила в богатом доме Агаповых кухаркой. Он прошел множество испытаний: суровое воспитание в семье, служба школьным учителем в провинциальной, мещанской России, где монотонные серые будни явились предтечей его поэтических «злых земных томлений». Именно из горечи бытия вырос его талант, в котором ирония слилась с трагизмом. Благодаря этому в стихотворениях Сологуба нет культа слез, свойственного декадансу, она словно монолит, памятник внутреннему миру человека переходного времени. Можно утверждать, что лирический герой Сологуба – реалист с душой символиста.

Ища уединения в трансцендентных грезах, Сологуб (2003) создал новый образ – теурга и визионера, который может сотворить воображаемые миры и изменить уже имеющийся:

«Солнцем на небе сердце горит,
И расширилась небом душа,
И мечта моя ветром летит,
В запредельные страны спеша» (с. 115-116).

«Приучив себя к мечтаньям,
Неживым очарованиям
Душу слабую отдав,
Жизнью занят я минутно,
Равнодушно и попутно...» (с. 75).

Творчество мыслится Сологубом (2003) как божественный акт, поэт – новый Спаситель, способен сотворить фантазию, превозмочь земное бытие, чтобы для лирического героя «в мечтах и сказках душа его цвела» (с. 211).

Субъект лирики Сологуба заперт в грешном теле («Мы – плененные звери, / Голосим, как умеем» (с. 132)), где его душа томится, «ведь полное погружение в суету, тщету материальности губительно» (Радь, Мокшина, 2014, с. 171) для нее, поэтому она находит спасение в волшебной стране Ойле, где обретает покой и счастье. Эта альтернативная реальность – убежище Сологуба и его восприимчивой души.

Идеи символизма сформировали творчество А. И. Токаева – новатора осетинского стихосложения, незаурядного драматурга, публициста и художника. Токаев впервые ввел в национальную поэзию форму сонета, привнес в родную литературу разнообразие, сложную «образность и выразительные средства, смело шел на обновления» (Бязарти, 1984, с. 96). Мастерство Алихана Токаева развивалось под непосредственным влиянием местной культуры (наследие К. Л. Хетагурова) и традиций русской и зарубежной литературы (К. Д. Бальмонт, Ф. К. Сологуб, В. Я. Брюсов, А. Рембо, П. Верлен, Э. Верхарн и др.).

Общность эстетических установок русских символистов и А. И. Токаева ярче всего проявляется в образе его лирического «я» с мятушейся душой-ангелом. В стихотворении «Æгæрон мидбылты худт у мæ æнкъард...» («Бесконечная улыбка – моя печаль...») (1919) Токаев передает сложность внутреннего мира такого героя, в реверсивных метафорах, в антитезах и противоречиях он находит гармонию:

«Æгæрон мидбылты худт у мæ æнкъард,
Мæ цаъссыг – худгæ сусæг цин.
Мæ маесты хуры тынæй у фæтæн кард,
Цæвын мæ уарзтæй у мæ дин.

Хæцгæйæ ме 'взаг мастæй дзаг у, маргæй,
Мæ марг у дидинæджы мыд.
Мæ хъарæг у æнæрынцойæ заргæ,
У арвы тыны рыг мæ уд» (Токаты, 1973, с. 155).

Бесконечная улыбка – это моя печаль,
Моя слеза – смеющаяся тайная радость.
Для моего горя из солнечного луча широкий меч.
Бить любовью – моя религия.
При укусе мой язык полон горечи, яда,
Мой яд – это мед цветка.
Мои причитания – это безболезненная песня,
Пыль солнечного луча – моя душа
(здесь и далее все цитаты на осетинском языке приводятся в подстрочном переводе автора статьи. – Д. Х.).

Антонимичные пары (улыбка-печаль, слезы-радость, металл-воздух (меч из луча), яд-мед, причитания-песня) репрезентируют глубокую и неоднозначную грустно-веселую личность, чей погребальный плач лечит нежной мелодией, а «отравленный» укус полон цветочного нектара. Главный смысловой центр стихотворения заключается в последней строке: «Пыль солнечного луча – моя душа». В этой образности важна трактовка Солнца как воплощения Бога, от которого человек – лишь эхо (тождественно тому, что и солнечная пыль – отголосок светила). Огромное влияние на поэзию Токаева оказала лирика К. Д. Бальмонта, что проявляется в родстве творческих позиций и художественной речи. У Бальмонта (2010а), в частности, неоднократны отсылки к эфемерным характеристикам души:

«Душа – прозрачная среда...
В ней свет небесный преломлен,
В ней дух, который в жизнь влюблен.
В душе есть дух, как в солнце свет...» (с. 430).

Душа для обоих поэтов – неуловимая сущность, стремящаяся от земли к небесам. В индивидуальной концептосфере Токаева, как и у Бальмонта, присутствует мотив воплощения души как двойника автора-Избранного, способного постичь истину, недоступную другим:

«Мәән гъеныр дисәй фәрсынц:
“Цәмәән әппарыс дә цард?
Цәмәән дә фыдхуыз, әнкъард?” –
Мә фәстә джихәй кәсынц.

Меня теперь удивленно спрашивают:
«Почему бросаешь жизнь свою?
Почему ты изможденный, печальный?» –
Вслед мне остолбенело смотрят.

Мәлләг хъәләсәй зәгъын:
“Уәдә куыд? Цы кәнон ныр әз?
Мә удән куынае и фәрәз
Сымахау... Зын у цәрын”. <...>

Слабым голосом отвечаю:
«А как иначе? Что мне делать теперь?
Моя душа не выдерживает
Как ваша... Трудно жить». <...>

Мә фәстә дуртә әхсынц.
Цәуын сындәггай әз дәр.
Фәрыст сә дзырдтәй мә сәр...
Дзурынц... Худынц... Хәрынц...»
(Токаты, 1973, с. 162).

Вслед мне камни бросают.
Ухожу медленно я.
Разболелась голова от их слов...
Болтают... Смеются... Едят...

Герой Токаева противопоставлен беспечным людям, обывателям, которые живут меркантильными интересами, проблемами достатка и сытости. Душа его иная – она болит и тревожится, отчаянно ищет гармонию. В отличие от эгоцентричного «я» Бальмонта (2010b), для которого: «Мое единое отечество – / Моя пустынная душа» (с. 58), Токаев стремится не к индивидуальному счастью, а к всеобщему: «Если бы я обладал Великим Разумом, / Тогда, страдая, боль / Взял бы на себя ради Осети» (Отдел рукописных фондов..., ф. 27, оп. 1, д. 15, л. 6).

В символическом дискурсе поэтики А. И. Токаева неслучайно сравнение души с солнечным светом и пылью, что укладывается в границы культа Солнца литературы конца XIX – начала XX века и демонстрирует связь с лирикой К. Д. Бальмонта, которому образ светила потребовался для утверждения идеи личности, сливающейся с беспредельным и божественным. Так и у Токаева солнечные лучи являются источником трансцендентного прозрения, преобразования души лирического героя. Он как Сверхчеловек достигает пика саморазвития, но не упивается собственной уникальностью, а стремится к самопожертвованию для спасения родного народа:

«Рухс дән, Рухс дән әз. Мәнмә ды кәс...
Арвәй тын нывәндын әз зәхмә.
Зәхх у талынг.
Систон әз мәхи зәххәй зәгъмә,
Тынтә калын.
Әз рыг дән. Хуры уарыны рыг дән,
Арвыл хъазын» (Токаты, 1973, с. 141).

Светел, светел я. Гляди на меня...
Я с небес на землю сею луч.
Земля во тьме.
Я поднялся над землей,
Я сияю лучами.
Я пыль. Я пыль солнечного дождя,
Играю в небесах.
Не плачь ты, не плачь, теперь моя жизнь – Свет. <...>
Во тьме исчезнут, исчезнут, исчезнут крики
тягостные,
Во тьме увидишь, мой народ, мой свет.

«Ма ку ды, ма ку. Ныр рухс у мә цард. <...>
Талынджы нал уыдзән, нал, нал уәззау хъәртә,
Талынджы фендзыстут, м'адәм, мә рухс» (с. 166).

Двойственность, культивируемая в литературе модернизма, проявилась у Токаева не только в творческой гармонии «реалистических картин и символических образов» (Джикаев, 1993), но и в судьбе: он был поэтом-символистом и, одновременно, активным деятелем революции, которая в его понимании являлась тем мистическим светом-исходом из тьмы нищеты, невежества и горя.

Трактовка огня как очищения от греха жизни – еще одно свойство души героя Токаева: только стора дотла, до пепла и дыма, она способна вынести боль человеческого существования:

«Кәд дә фәнды цәрын нә зәххыл –
Әрбад йә әххыл...»

Если ты хочешь жить на нашей земле –
Присядь на ее изгибе...

Фæсудз.
Кæд дæ фæнды цæрын сыгъдæгæй –
Цæрæд фæздæгæй
Дæ уд» (Токаты, 1973, с. 127).

Гори.
Если ты хочешь жить чистым –
Пусть живет как дым
Твоя душа.

Настроения, главенствующие в стихотворении, напоминают интонации лирики Ф. К. Сологуба, где присутствуют в равной мере и страдание, и ирония. У А. И. Токаева (Токаты, 1973) интересна в этом аспекте следующая эпатажная мысль: «Кæд рухс дæ зæрдæмæ нæ кæсы, / Уæд уарз ды хæфсы / Æцæг» (с. 127). / «Если свет не смотрит в твоё сердце, / Тогда люби жабу / Искренне». Эта заключительная строфа представляет собой своеобразную реминисценцию на творческую манеру Сологуба с его «трагическим юмором», когда концовка поэтического текста, контрастируя с основной частью, заключает в себе смысловой, композиционный удар и действует отрезвляюще, как момент пробуждения от сна в жестокую, уродливую реальность. Так и светлая душа поэзии Токаева может жить лишь как солнечная пыль на земле, ибо без связи с божественным Солнцем она, как в сказке, рискует умереть, воплотившись в жабе.

Если Токаев является поэтом-символистом, то подобное утверждение нельзя всецело отнести к другому яркому представителю осетинской литературы начала XX века – Д. А. Гатуеву. В формировании его авторского видения задействованы эстетические установки как реализма, так и символизма, по словам исследователя творчества Гатуева И. С. Хугаева (2018), «индивидуальный почерк Дзахо Гатуева формировался под влиянием модернистских творческих методологий» (с. 5). Для Гатуева важно было попробовать свои силы в различных направлениях, чтобы развить собственный стиль.

Мотив души как отражения внутреннего мира человека воплотился у Гатуева в стихотворении «Моя душа – осенний сад» (1914). Текст с преобладающей элегичностью настроения изобилует сказочной образностью. Как пишет Н. Д. Цховребов (2008), автор аналитической статьи о наследии Гатуева: «Весь этот реквизит – “феи”, “русалки”, “кружева” и т.п. – типичные атрибуты поэзии символистов» (с. 187):

«Моя душа – осенний сад,
От инея серебряный.
Весной в нем сказки у реки
Рассказывали феи,
Роняя яблонь лепестки
На кружево аллеи.
А вечерами о любви
Грустили в нем русалки,
Вплетая в волосы свои
Печальные фиалки» (Гатуев, 1981, с. 15).

Автор сравнивает свою душу с садом, вспоминает о том, что раньше (весной) она была полна легкого волшебства и пленительной тайны, когда грань между реальностью и воображением истончается и мир преобразуется мечтами. Весна воплощает в себе детство, юность, тогда как осень символизирует зрелость, будничность жизни, лишенной очарования:

«Теперь не то; теперь в мой сад
Устало смотрит солнце:
В нем листья горами лежат,
Как старые червонцы;
В нем смолкли сказки нежных фей,
Грусть голубых русалок,
И треск изломанных ветвей
В нем робок, мертв и жалок...» (Гатуев, 1981, с. 15).

Начало и конец стихотворения, словно отражения в кривом зеркале, представляют все тот же сад, но уже с пустыми, безжизненными аллеями, которые весной были осыпаны лепестками цветущих деревьев, теперь же покрыты мертвыми листьями, как ржавыми монетами. Это осенний сад, в нем нежные голоса мифических существ умолкли и сменились грубым треском ломающихся ветвей, а легкая романтическая тоска перерастает в ощущение грядущей трагедии – зимы (серебряный иней). Ведь душа еще и «орган предчувствий, с помощью которого человек может интуитивно постигать то, что произойдет в будущем» (Урысон, 1999, с. 15).

Элегическая печаль, фольклорные мотивы – элементы поэзии ранних символистов К. Д. Бальмонта, Ф. К. Сологуба. Эльфийская образность в тексте осетинского автора отсылает к Бальмонту (2010b) (сборник «Фейные сказки», 1905 г.), для которого фея выступает лейтмотивом утонченности и чистоты:

«Весною светлой, как вестник Мая,
Целую ландыш, в мечту влюбленный...
Но снова легкий, всегда счастливый,
Нежней, чем фея ласкает фею,
Я льну к деревьям, дышу над нивой...» (с. 140).

Ощутимо влияние на Д. А. Гатуева и эстетики Сологуба (2012) с любовью к волшебным существам, населяющим его поэтический мир фантазий и грез, где также живут грустные, прекрасные русалки:

«В воде любуюся собой,
Поет русалка под луной.
Несутся грустно звуки
Томления и муки.
Поет русалка, смотрит в даль,
Кого-то ждет, кого-то жаль...» (с. 14).

Стилистическая утонченная игра Д. А. Гатуева демонстрирует увлеченность «декадентскими, упадочными настроениями» (Цховребов, 2008, с. 187), с одной стороны, но с другой – говорит о том, что осень вскоре сменится зимой, отчего ощущение грядущей катастрофы привносит в душу-сад автора тень реальных проблем.

Заключение

По итогам исследования приходим к следующим выводам.

Концепт «душа» – поэтическая универсалия и ключевое слово в символическом дискурсе К. Д. Бальмонта, Ф. К. Сологуба, А. И. Токаева и Д. А. Гатуева.

Для К. Д. Бальмонта душа – это средоточие свободы и воли. Она эфемерная, иная, неуловимая, находящаяся за гранью эстетических и моральных норм. Душа и лирический герой едины: он Избранный, способный постичь истину. Душа его может как расшириться и принять в себя весь мир, так и замкнуться на себе самой.

В лирике Ф. К. Сологуба душа, как и тело, испытывает боль, чувство опустошенности и неспособности. Она знающая и мудрая, однако для того, чтобы вынести тяжесть бытия, воссоздает вторую реальность – мир творческих грез. Только там она может избавиться от мрака земного существования.

Для А. И. Токаева душа – воздушная сущность, пыль солнечного света, дым, она обладает сверхчеловеческими знаниями. Другое ее свойство – двойственность: в ней заключен как трансцендентный свет, так и магическая сила преобразования реальности.

В стихотворении Д. А. Гатуева душа являет собой метафорическое воплощение внутреннего мира автора, который описывается по аналогии с внешним: это сад реальный и мифический, где когда-то жили волшебные существа. Весной он полон счастья и легкой грусти, осенью пуст и обречен на неизбежный приход зимы-смерти.

Таким образом, концепт «душа» в поэзии символизма имеет сложную коннотацию: душа феноменальна, глубоко чувствительна, в ней заключена стихийность земли и небес, она страдает наравне с телом, ищет свободу и спасение. Душа – это второе «я» поэтов, суть их личности, воплощение творческого акта. Не столько религиозная трактовка важна для русских и осетинских поэтов в определении значения лексемы «душа» в пространстве художественного текста, сколько репрезентация ментально-психологического состояния, настроений и эмоций индивида в поэтической картине мира.

В ходе проделанной работы открывается перспектива для исследования трихотомии «дух – душа – сердце» в поэтике модернизма, где зачастую происходит взаимозамена этих образов или, наоборот, их резкое противопоставление друг другу.

Источники | References

1. Авраменко А. П. Символизм как течение // История русской литературы Серебряного века (1890-е - начало 1920-х годов): в 3-х ч. / отв. ред. М. В. Михайлова. М.: Юрайт, 2020. Ч. 2. Символизм.
2. Афанасьев А. Н. Древо жизни: избранные статьи / подгот. текста и коммент. Ю. М. Медведева; вступит. ст. Б. П. Кирдана. М.: Современник, 1983.
3. Бальмонт К. Д. Собрание сочинений: в 7-ми т. М.: Книжный клуб «Книговек», 2010а. Т. 1.
4. Бальмонт К. Д. Собрание сочинений: в 7-ми т. М.: Книжный клуб «Книговек», 2010б. Т. 2.
5. Бальмонт К. Д. Собрание сочинений: в 7-ми т. М.: Книжный клуб «Книговек», 2010с. Т. 4.
6. Бердяев Н. А. Философия свободного духа. Проблематики и апология христианства // Бердяев Н. А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994.
7. Бязарти К. Наследие А. Токаева. Эстетическое введение в исследование творчества // Литературная Осетия. 1984. № 63.
8. Гатуев К. А. Стакан шейха. Орджоникидзе: Ир, 1981.
9. Джикаев Ш. Ф. Свет далекой звезды (к 100-летию со дня рождения Алихана Токаева) // Социалистическая Осетия. 1993. 28 ноября.
10. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3-х т. М.: АСТ; Астрель, 2006. Т. 1. А - Л.
11. Измайлов А. Северный сфинкс // О Федоре Сологубе. Критика. Статьи и заметки / сост. А. Чеботаревской. СПб.: Навьи чары, 2002.
12. Колобаева Л. А. Русский символизм. М.: Изд-во Московского ун-та, 2017.
13. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: образ мира и миры образов. М.: ВЛАДОС, 1996.

14. Мифы народов мира: энциклопедия: в 2-х т. / гл. ред. С. А. Токарев. Изд-е 2-е. М.: Российская энциклопедия, 1997. Т. 1. А - К.
15. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого / пер. с нем. Ю. М. Антоновского // Ницше Ф. Сочинения: в 2-х т. М.: Мысль, 1990. Т. 2.
16. Отдел рукописных фондов Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований.
17. Платон. Алкивиад I / пер. с древнегреч. С. Я. Шейнман-Топштейн // Платон. Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Мысль, 1990. Т. 1.
18. Платон. Государство / пер. с древнегреч. А. Н. Егунова // Платон. Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Мысль, 1994. Т. 3.
19. Полонский В. В. Федор Сологуб // История русской литературы Серебряного века (1890-е - начало 1920-х годов): в 3-х ч. / отв. ред. М. В. Михайлова. М.: Юрайт, 2020. Ч. 2. Символизм.
20. Радь Э. А., Мокшина С. Р. Дихотомия «Тело - душа» в поэме Марины Цветаевой «Автобус» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 1-2 (31).
21. Соловьев В. С. Чтения о Богочеловечестве // Соловьев В. С. Сочинения: в 2-х т. М.: Правда, 1989. Т. 2. Чтения о Богочеловечестве. Философская публицистика.
22. Сологуб Ф. К. Полное собрание стихотворений и поэм: в 3-х т. / изд. подгот. М. М. Павлова; отв. ред. А. В. Лавров. СПб.: Наука, 2012. Т. 1. Стихотворения и поэмы 1877-1892.
23. Сологуб Ф. К. Собрание сочинений: в 8-ми т. М.: Интелвак, 2003. Т. 7.
24. Сологуб Ф. К. Собрание сочинений: в 8-ми т. М.: Интелвак, 2004. Т. 8.
25. Стерн Л. Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена // Стерн Л. Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена. Сентиментальное путешествие / пер с англ. А. А. Франковского. М.: Художественная литература, 1968.
26. Токаты А. Уацмыстае. Орджоникидзе: Ир, 1973.
27. Урысон Е. В. Дух и душа: к реконструкции архаичных представлений о человеке // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М.: Индрик, 1999.
28. Хугаев И. С. Дальше на Восток: к вопросам поэтики Дзахо Гатуева // Вестник Владикавказского научного центра. 2018. № 4 (18).
29. Цховребов Н. Д. Связь времен // Дарьял. 2008. № 4.

Информация об авторах | Author information

Хетагурова Дзерасса Казбековна¹, к. филол. н.

¹ Владикавказский научный центр Российской академии наук

Khetagurova Dzerassa Kazbekovna¹, PhD

¹ Vladikavkaz Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences

¹ dze-khe@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 05.10.2021; опубликовано (published): 30.11.2021.

Ключевые слова (keywords): символизм; К. Д. Бальмонт; Ф. К. Сологуб; А. И. Токаев; Д. А. Гатуев; symbolism; K. D. Balmont; F. K. Sologub; A. I. Tokaev; D. A. Gatuev.